

The poster features a high-contrast, black and white profile of a man's face on the left side. The background is dark, with a faint, glowing grid pattern at the bottom. On the right side, there is a large, glowing red handprint. The title 'ОЛИВЕР' is written in white, serif capital letters at the top right. The title 'САНАТОРИЙСКАЯ СКАЗКА' is written in large, red, serif capital letters at the bottom. A small white box with black text is located on the left side, and a white circle with '18+' is on the right side.

ОЛИВЕР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

САНАТОРИЙ
СКАЗКА

Олли Ver
Санаторий «Сказка»
Серия «Сказка», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34999425

SelfPub; 2021

Аннотация

Мой дорогой друг, мы так рады видеть тебя! Добро пожаловать в «Сказку» – райский уголок для уставшего человека вроде тебя. Видишь блеск огней? Слышишь музыку и людские голоса? Чувствуешь запах наслаждения и вседозволенности? Проходи, пожалуйста! Не стесняйся. Ведь мы точно знаем, чего ты хочешь. Санаторий «Сказка» предлагает развлечения на любой вкус и кошелек, и если ты не располагаешь достаточной суммой, чтобы покупать возможности, ты легко можешь обойтись впечатлениями. Возьмем недорого. Чья это кровь на полу? Хм... возможно... ОНА ТВОЯ. Содержит нецензурную брань.

Олли Ver

Санаторий "Сказка"

Глава. Неудачница

– Послушай, мы же договаривались... – шипела я в трубку, всеми силами стараясь сдерживаться от того, чтобы не сорваться на истеричный визг. Ненавижу себя, когда начинаю визжать, а потому стискиваю зубы, зажимаю кулаки в бессильной злобе, и искренне жалею, что нельзя задушить человека по телефону. – В субботу, в семь вечера. Сегодня – суббота. Половина восьмого! Какого черта? Где вы?

На том конце трубки послышался спокойный голос, который терпеливо и нарочито медленно объяснял мне то, что я уже слышала. И вроде бы не дурак, но делает вид, что не понимает – я переспрашиваю не потому, что чего-то не поняла, а потому, что наглость его перешла все мыслимые и немыслимые пределы. А главное – мне нечем бить. Вот это, пожалуй, бесило больше всего.

– Какой, к черту, отпуск?

Снова тихие и спокойные доводы на том конце трубки.

– Почему ты мне об этом не сказал? Нет, ты не говорил. Я бы запомнила. Нет, ЭТО я бы точно запомнила!

Снова поток слов, обезоруживающих и оттого взвинчивающих мои нервы до предела. Но я по-прежнему держусь, закрывая глаза и выдыхая через нос:

– И когда ты ее вернешь? В следующую субботу? А детский сад? Какое заявление? Когда ты его написал? А мне почему не сказал? – тут я взвизгнула, как дворняга, которой перепало сапогом по ребрам. Тихие и невозмутимые слова ложились наперевес моим, и весомость им придавало именно спокойствие, которое сочилось из каждой буквы, произнесенной им на том конце «провода». Ненавижу его!

– Ты должен был предупредить! – заорала я. Все-таки он заставил меня разораться. Заставил чувствовать себя психованным той-терьером. – Ни хрена ты мне не говорил!

Несколько слов на том конце трубки.

– Когда? Три недели назад?

И тут я во всех красках вспоминаю тот разговор от первого до последнего слова – он говорит мне, что собирается взять короткий отпуск, всего на неделю, и поехать в деревню, где живет мать Оксаны. Пуговицу он забирает с собой, чтобы та пересидела самую жаркую неделю лета вдали от города, поближе к воде. Когда это было точно, не помню, но зато припоминаю, почему мой мозг вычеркнул эту информацию – любое предложение, которое начинается, заканчивается или содержит имя его новой пассии, автоматически вычеркивается из моей головы, как нечто инородное, дабы не травмировать и без того расшатанную психику.

Я подскочила с дивана и быстрым шагом направилась к сумке, которая осталась в коридоре:

– Тебе трудно было напомнить? Ты хоть представляешь,

сколько всякого дерьма у меня в голове, и ты хочешь, чтобы я помнила каждое событие, о котором ты упоминаешь вскользь? – я судорожно ищу пачку сигарет, но та как сквозь землю провалилась. И когда он начинает говорить мне, что напоминал об этом еще раз ровно неделю тому назад, я забываю о сигаретах и срываюсь на черный мат. Слова, грязные, мерзкие, пустые, льются из меня, не принося никакого облегчения, но остановить их поток я уже не могу. Я устала, я взвинчена, я доведена до отчаянья и хочу курить. Я больше не контролирую то, что льется из моего рта, и я чувствую, как стыд заливает меня холодным потом, с головы до ног. Я бросаюсь в него всякой мерзостью, всем, что попадается по руку взбешенной истеричке внутри меня, в надежде попасть в «яблочко» хоть одним из миллиарда сказанных мною слов, но когда я замолкаю, выпотрошенная и обессиленная, все тот же спокойно-сочувствующий тон красочнее любых нецензурных слов говорит о том, насколько я далека от цели. Плевать ему на мои истерики, плевать ему на то, что я говорю и как. Он хочет побыстрее закончить этот разговор и нажать «сброс вызова».

К горлу подступает ком:

– Дай мне поговорить с Сонькой.

Он зовет ее к трубке, и я отчетливо слышу, как, где-то на заднем плане, она кричит ему, что пошла в туалет. Он передает мне ее слова. На самом деле мы оба знаем, почему она не хочет говорить со мной – слышала мой истеричный лай в

трубке. Она терпеть не может, когда я кричу и теперь, когда есть возможность придумать небылицу, которой я буду вынуждена поверить, она рада тому, что не придется слушать мой охрипший голос и нервное, отрывистое дыхание.

– Передай ей, что я ее люблю, – быстро говорю я и бросаю трубку.

Единственная причина, почему я не швыряю телефон в стену, это то, что он стоит шестьдесят тысяч. Помня об этом я аккуратно кладу его на столик в прихожей и думаю – на хрена мне телефон за шестьдесят тысяч? Мне что, пятнадцать лет, чтобы хвастаться им перед подружками? Или меня обязывает статус? Или телефоны теперь приравняли к недвижимости, и его цена не только не упадет, но и приумножится с годами? Нет, нет и снова нет. Просто я, следуя стадному инстинкту, ведусь на то, что «круче». Новая (но по-прежнему, самая дешевая в моем дворе) тачка за неподъемные для меня деньги (в кредит, разумеется), спортзал – трижды в неделю, безуглеводная диета, парикмахер, косметолог с полным набором услуг, включая депиляцию всего моего тела раз в три недели, и ради чего? Последний раз мужик в моей постели был полгода назад, и те полтора раза, что мы занимались сексом, были самыми бездарными за всю мою жизнь. В самый ответственный момент позвонила его, как оказалось, не такая уж и бывшая, жена и пригрозила в случае неявки выкинуть его на улицу, как плешивого кота. Плешивый кот поспешно оделся, оставив меня ни с чем.

Где же эти чертовы сигареты!?

Я взяла сумку и вывернула ее наизнанку, чувствуя, как комок в горле начинает клокотать, превращаясь в полноценную истерику с воем и рыданием. Всеми силами держа себя в руках, я рыскала по содержимому моей сумки, вываливавшемуся на диван. Ну же! Где они? Я же помню, что... Вот! Нашла.

Я открыла пачку – пусто.

Твою мать!!!

Я села на пол и зарыдала от всей души. Меня подбрасывало от слёз, я еле дышала, и все, что мне оставалось, – это закрывать рот руками, чтобы соседи не подумали, что меня здесь режут живьем. Я с упоением скулила в собственные кулаки, чувствуя, как тоска, обида и что-то там еще медленно просачиваются из моих глаз, оставляя меня без сил. Я ненавидела всех и каждого в этом гребаном мире и все, о чем я могла думать – это о моем бывшем муже. Ненавижу его. Ненавижу его больше всех на свете! Этот подонок буквально расцвел после развода, и если у меня все шло так же, как и «до», то у него дела определенно пошли в гору во всех аспектах его и без того идеальной жизни. Через месяц после штампа об освобождении его повысили, словно только этого и ждали, благодаря чему он смог купить квартиру (эту он оставил нам с Пуговицей), потом появилась машина в пять раз дороже моей, а следом не заставила себя долго ждать и пресловутая Оксана. Но больше всего меня бесила не она,

не тачка и не квартира, и даже не все это вместе взятое, а то, как естественно к нему в руки шло благополучие. Никогда он не надрывал задницу на работе, никогда не кричал на подчиненных, никогда не вылизывал зад начальству. Он никогда не приходил с работы уставшим или в дурном настроении. Все-то него ладилось и дома, и на службе. Я же, чтобы стать начальником отдела по работе юридическими лицами, вытягивала струны из собственных жил, вставляла их в балалайку и плясала с медведями на ковре у директора филиала. А вот что меня пугало ПО-НАСТОЯЩЕМУ, так это то, что Сонька все это видела. Видела и тянулась к тому, кто сильнее, мудрее, спокойнее. Я понимаю – она еще не знает слово «успех», и его значение для нее равно нулю, но она понимает подспудно, бессознательно, что он лучше меня. Я зарыдала с новой силой, давясь своими кулаками. Я вспоминала, как она смотрит на него – его голос, спокойный и тихий, завораживает её, его улыбка всегда зеркально отражается на её, лице и всё, что он говорит, она принимает на веру. Мне, чтобы убедить ее в полезности супа, приходится глотку надрывать, а ему достаточно лишь поставить перед ней тарелку. Девочки тянутся к отцам – это не стало для меня новостью. Новостью для меня стало то, что при этом она напрочь отворачивалась от меня. И ладно бы я кричала или хоть раз подняла на неё руку. Нет. Соня – единственное создание на Земле, которое никогда не попадает под жернова моего настроения, каким бы хреновым оно ни было. Но она

видит и слышит, как я общаюсь с остальными, и временами мне кажется (а возможно, так оно и есть на самом деле), что ей стыдно за меня. Смотрю в ее голубые глазенки и вижу сочувствие. Взрослое, не по годам осознанное. Ей меня жаль. Она не хочет становиться мной уже сейчас, когда ей всего шесть. А что будет в тринадцать? Я ее теряю. Она ускользает из моих рук, как вода сквозь решето, и я совершенно не представляю, что мне с этим делать.

Слезы иссякли. Осталась пустота. Я смотрела на узор, выющийся по обоям и не думала ни о чем. Голова моя звенела от слез и вакуума, а душа онемела. Хочу курить.

Я поднялась и медленно начала одеваться. Эта неделя выдалась относительно прохладной и на редкость дождливой. Дождь зарядил с понедельника и закончился только сегодня днем, а вот с началом следующей недели в город придет небывалая жара. Десять часов, наконец, стемнело. Я надела джинсы и тонкий свитер, завязала «хвост» и вышла из дома в ближайший магазин.

Темная, прохладная ночь скрыла от всего мира мое заплаканное лицо, и мне было приятно находиться под её маской. Я вроде как была среди людей, но при этом они не видели отчаянья, застывшего на нем. Им не было дела до меня, а мне до них. Быстро забежав в супермаркет и получив желаемое, я выбежала на улицу, подальше от искусственного света, в естественный мрак ночи. Как вампир. Зайдя за угол дома, я открыла пачку и закурила. Сколько раз я бросала курить –

и вспомнить сложно, но почему-то именно сейчас мне стало отвратительно. Стыдно, что я не могу справиться даже с такой ерундой. Если мне не по зубам распрощаться с вредной привычкой, то, как же я планирую...

Мобильный завибрировал. Я вытащила телефон из кармана, надеясь, что Сонька все-таки решила пожелать мне спокойной ночи, но на экране высветилось «Света». Я подняла трубку:

– Привет.

– Привет, Мариш, как дела?

– Бывало и лучше, – ответила я на выдохе, глядя, как белый плотный дым рассеивается в иссиня-черной тьме.

– Что случилось? – напрягся голос на том конце трубки.

Я вкратце пересказала ей суть телефонного разговора, но решила опустить тот момент, где я сползаю по стене и рыдаю, как ополоумевшая.

– Сволочь, – кратко подвела черту подруга, в очередной раз подчеркивая тот факт, что она всецело на моей стороне. – Слушай, так может, ты с нами рванешь?

– Куда?

– В «Сказку».

– В десять вечера? Туда же еще ехать полтора-два часа?

– Ну, сегодня мы долетим за часик, правда, Вадик? – на заднем плане послышался веселый мужской голос, полный наигранной бравады. Вадик был чем-то новым. О нем я еще не слышала, значит, Светка подцепила его совсем недавно.

Тут в трубке снова послышался её голос. – Кроме того, мы же никуда не торопимся? Покатаемся немножко, а утром вернемся по домам. Завтра же выходной. Ты сегодня одна, так чем дома сидеть, не лучше ли провести этот вечер с удовольствием?

Я задумалась. Думала я главным образом о том, может ли женщина в тридцать шесть лет, занимающая руководящую должность в филиале серьезного банка, будучи матерью и бывшей женой скитаться по сомнительным местам вроде «Сказки»? Ответ был очевиден.

– Нет, Свет, я пас.

Тут свет фар буквально ослепил меня, прижимая к стене. Что-то большое и высокое, вроде «Крузера», совсем немного не дотянуло до меня передним бампером, заставляя меня еще сильнее вжаться в угол дома, где было мое секретное место для перекура. Я подняла руку, пытаюсь заслонить глаза от яркого света, бьющего мне в лицо, в то время как в телефоне послышалось:

– Попалась!

Тут же послышались короткие гудки, свет фар погас, и в автомобиле, стоящем прямо передо мной, открылась передняя пассажирская дверь. Я увидела фигуру, идущую ко мне, но разглядеть ее не могла, так как в глазах все еще мелькали «зайчики» от слепящего света и лишь по голосу я узнала того, кто только что говорил со мной по телефону:

– Маринка! – заорала счастливая Светка, подбегая ко

мне. – А мы как раз проезжали мимо. Думаю – дай позвоню. А ты, оказывается, ничем не занята. Я-то знаю, где тебя искать... – сказала она и засмеялась.

На меня пахнуло алкоголем. Она, действительно, знает, где мой уголок заядлого курильщика. Мои глаза медленно, но верно обретали зрение, и теперь я, моргая и щурясь, разглядывала слегка захмелевшую, приведенную в полную боевую готовность макияжем и прической, девушку, одетую в такие узкие джинсы, что легко можно было бы разглядеть девственную плеву (если бы она еще была) и столь же откровенную блузку. Светка на шесть лет младше меня и пока ей еще нравится время от времени вываливать грудь наружу. Миловидная блондинка со вздернутым носиком, пухлыми губками и весьма своенравным характером.

– Я же сказала... – начала я.

– Нет, нет! – перебила меня она и, схватив за руки, потащила к машине. – Я даже слушать не хочу!

– Свет, я серьезно. Мне сейчас не до...

– Тебе никогда не бывает до меня дела. И времени. И... – тут она запнулась обо что-то и пьяненько захихикала. – И еще чего-то там... В общем я даже слушать не хочу, что там у тебя на этот раз. Ты поедешь со мной!

Она упрямо тянула меня к машине, а я упиралась. Но будучи «навеселе» и в отличном настроении, она была сильна как мужик и вот, задняя дверь машины открывается, и я плюхаюсь на заднее сиденье. Ко мне поворачивается са-

модовольное, улыбающееся лицо, очевидно, принадлежащее Вадику. Вадик – высокий, кормленный детина с плечами боксера-тяжеловеса, бритой наголо головой и улыбкой, полной беззастенчивой похоти.

– Привет, – сказал он.

Инстинкт самосохранения коротко взвизгнул внутри моей головы и потянул меня из машины, но тут на переднее сиденье плюхнулась сама Светка. Она повернулась ко мне, протянула бутылку пива и буквально всучила ее мне. Я взяла ее, чувствуя, как от страха немеет и скукоживается внутри селезенка. Светка, увидев в моих глазах отчаянье, заговорила о Вадике, словно его тут и нет:

– Ты его не бойся. Он на вид только такой страшный. Вадик у нас хирург-травматолог.

– Здравствуйте, – пробормотала я, представляя, как бы лихо улепетывала от него даже с открытым переломом, покажись он мне в медицинском халате со словами: «Нужно вправить кость...» По спине пробежали мурашки.

Вадик дал задний ход, мы вывернули на дорогу и помчались в «Сказку».

«Сказка» находится в ста пятидесяти километрах от города согласно букве закона, но мы домчались за час (Вадик любит быструю езду). Когда впереди замаячили огни, и на нас начала напоздать громада, мы со Светкой ахнули.

«Сказка» – это санаторий, что довольно забавно и говорит об отменном чувстве юмора как хозяев этого места, так и

местных властей, позволивших зарегистрировать вертеп, как лечебно-профилактическое учреждение. Уж не знаю, как это выглядит на бумаге, но *de facto* – это крошечный Лас-Вегас. Слово «крошечный» здесь тоже не совсем уместно, потому как, чтобы понять его масштабы, нужно знать, что находится он на территории бывшего металлургического завода, площадью без малого три миллиона квадратных метров, но ходят упорные слухи, что к ним прибавилось еще полтора миллиона свободной площади, примыкающей к нему. Вся площадь огорожена глухой бетонной стеной, высоченной, словно это объект стратегического значения, и откуда-то из-за нее льется яркий свет, который в глухой степи и непроглядной ночи мерцает, как путеводная звезда. Чем ближе мы подъезжали, тем сильнее был шок от масштабов этого чудища – единый монолит вырастал из темноты ночи, закрывая собой весь белый свет, разрастаясь, как туша исполинского кита, выброшенного на берег, только не видала Земля ТАКИХ китов. Машина мчалась навстречу чему-то, что расплзалось по горизонту, закрывало собой звездное небо, и когда мы подъехали к въездным воротам, оно полностью закрыло собой обзор. Стоя в длинной очереди из машин для того, чтобы просто въехать на территорию парковки, мы слышали, как за стенами приглушенно долбят басы какой-то электронной несуразицы, которую нынешняя молодежь зовет не иначе, как музыка. Мы крутили головами, пытаясь прикинуть количество денег, стекающихся сюда, словно намагни-

ченные – подъездная дорожка была забита машинами, и очередь, которую успешно выстраивают в строгий ряд десятков мальчишек в светоотражающих жилетах, кажется огромной живой змеей, которая блестит боками напыженных авто, стоимость которых лично для меня остается чем-то заоблачным. Свет и музыка, льющиеся поверх бетонной стены, манят людей, как мотыльков на свет, и стоит ли говорить, что ни о какой рекламе речи не идет. Вы никогда не увидите это сооружение по телевизору в пафосном рекламном ролике на местных каналах с затасканными лозунгами и потрепанными девицами. «Сказку» запрещено рекламировать даже после одиннадцати. Запрещены упоминание в СМИ и любая пропаганда, как прямая, так и косвенная, законодательно это предусматривает административный штраф, а потому и в новостях вы никогда не услышите ни слова о «Сказке». Только сарафанное радио. Но, поверьте мне, этого более чем достаточно! Любой половозрелый человек в городе знает, что такое «Сказка» и, несмотря на то, что закон разрешает посещение подобных мест уже с восемнадцати, сам «санаторий» не пропускает на территорию людей, моложе двадцати четырех, а это значит, что еще шесть лет назад Светку выгнали бы отсюда взашей, как малолетку. С чем связана эта цифра доподлинно никто не знает, но зато знают, что за соблюдением этого нехитрого рубежа очень строго следит охрана, коей просто нет числа. Люди (может, выдумывают, а, может, и нет) говорят, что территорию «Сказки» обслужива-

ет собственная армия – легион профессионально подготовленных людей, которые контролируют территорию как снаружи, так внутри самого парка, переодетые в штатское. Это вам не супермаркет охранять. И это совершенно оправдано, потому как, судя по слухам, здесь продается **АБСОЛЮТНО ВСЕ** – от банального алкоголя всех цветов и степеней опьянения, до тяжелых наркотиков. Все, что может превратить даже самого добропорядочного человека из прямоходящего венца эволюции в дикое зверье о четырех лапах, которое, в самых печальных случаях, и вовсе не в состоянии тащить бременное тело хоть куда-нибудь. Для таких вот «потерянных» здесь существует целый больничный корпус, с реанимацией и огромным штатом врачей, работающих круглосуточно. Государство внутри государства. Свои законы, свои правила и негласные традиции.

Я оглянулась назад и увидела, что позади нас уже негде яблоку упасть – хвост змеи разросся, и последней машины даже не было в поле зрения. Мы довольно быстро продвигались внутри железной змеи, благодаря проворности регулировщиков – мальчишки лет по десять передвигались очень шустро и напоминали муравьев – ловкие, проворные, они работали так слаженно, словно родились на каком-нибудь крупном транспортировочном узле, и их воспитали местные логисты. Их худые тела мелькали среди машин, сверкая светоотражающими жилетами, и когда их макушки встречались, обмениваясь короткими фразами, они разбегались так быстро, что

ты не успевал понять, как упустил их из виду. Юркие и быстрые, они легко лавировали между машин, и когда подошла наша очередь, а бампер нашей машины вплотную уперся во въездной шлагбаум, один из них – смуглый, голубоглазый – бесцеремонно и громко постучал в водительское окно. Я не смогла сдержать какого-то, совершенно детского, любопытства и вылезла вперед – мне стало интересно посмотреть на одного из этих мурашей вблизи.

Круглое, курносое лицо заглянуло в машину и совершенно не по-детски оценило нас со Светкой, на несколько секунд дольше задержав взгляд на ее груди, нежели на всех нас вместе взятых.

– Двести семнадцать «це», – резко и быстро выпалил он, протягивая нам пластиковую карту с номером парковочного места. – Этаж «минус три». Вас там встретят и проводят, – отрезал он, и пока Вадик лез в карман, доставая из него чаевые, я всматривалась в его лицо и думала – как же четко бросается в глаза его социальный статус – резкий, слегка хрипловатый голос и рот, который ни на секунду не закрывается, жуя жвачку, грубые, быстрые движения, загар дочерна и дикая жажда жизни в наглых, беззастенчиво смотрящих на тебя, глазах. Бродяжка или воспитанник «гетто». И когда Вадик протянул ему сто рублей, тот кинул на них быстрый взгляд, и в его глазах отразилась насмешка, которая быстро скользнула на губы:

– Не, дяденька, нам денег брать нельзя. Проезжайте, – ска-

зал он, и махнул рукой, отходя от машины.

– О, как! – ухмыльнулся Вадик, проезжая под поднимающейся стрелой шлагбаума, и очевидно думая, что он в этом возрасте был бы рад и десятке. Я же в этот момент думала, сколько же нужно платить несовершеннолетним пацанам, чтобы те отворачивались от не самой густой, но все-таки халавы. И не поздно ли мне сменить белый воротничок на светоотражающую жилетку?

Мы въехали на парковку и спустились на три этажа ниже земли – здесь все было забито машинами и людьми. Нашу машину встречал один из мурашей. Подойдя вплотную к капоту, он энергично замахал руками, указывая нам проезжать прямо и направо. Не знаю, откуда он знал номер парковочного места, отведенного именно нам, но когда мы припарковались между Toyota Celica, примерно восьмидесятых годов, и новехоньким CLS, мы увидели над нашим лобовым стеклом табличку «217-С», свисающую с потолка.

Мы выбрались из авто.

– А публика здесь разношерстная, – пробубнил Вадик, подтягивая джинсы на зад и оглядывая море железных коней, припаркованных в строго отведенных ячейках, меж которых, бесконечный поток людей стекался к лифтам, ведущим наверх. Мы, как по команде, посмотрели друг на друга ошалевшими глазами и даже Вадик, который на поверку оказался не только широким, но и неимоверно высоким, глядел на пестроту рябивших тачек и людей ошалелыми глаза-

ми и выглядел несколько смущенным. К лифтам мы тронулись гуськом, держась за руки, как послушные первоклашки, потому как в противном случае есть риск потеряться да так, что найти друг друга в этой толпе можно будет, лишь выстрелив из ракетницы. Людей было так много, что пришлось отстоять, пусть и недолгую, но все же очередь, чтобы просто попасть в лифт, и когда мы, наконец, поднялись на поверхность, нас ждала еще одна, на этот раз финальная, очередь – металлоискатель, предъявление удостоверений личности и оплата входного «минимума». В широком сером коридоре с бетонными стенами и низким потолком люди толпились, как сельди в бочке. Входных арок не меньше десяти штук, и у каждой трудились в поте лица по трое человек из охраны. Как ни странно, но большая часть из них габаритами значительно уступали нашему Вадику. Мне это казалось удивительным, ведь огромному мужику проще утихомирить разбушевавшихся гостей – один внешний вид чего стоит – но те, кто стояли на страже порядка в «Сказке», в большинстве своем выглядели как среднестатистические мужики – молодые, крепкие, но не внушающие ужаса. И лишь когда очередь дошла до меня, я поняла, чем они отличаются – таких холодных глаз я еще не видела. Не знаю, как это объяснить, но на лице у невысокого блондина, чьи руки обыскивали меня (да, друзья мои, даже так!), читалась холодная решимость свернуть мне шею, если это потребуется. Мне стало жутко просто от того, что он рядом.

– Проходите, – отрезал он, пропуская меня к кассам, и, отойдя от него, я облегченно вздохнула.

– Паспорт, пожалуйста, – сказала миниатюрная кассирша в строгом пиджаке и белой блузе.

Я протянула ей документ, который у меня всегда при себе, на всякий «пожарный», и как только она сверила фото с моим лицом, она, мило улыбаясь, сказала мне:

– Пожалуйста, сложите вашу банковскую карту или наличные, прочие вещи, имеющие материальную ценность, а также ключи от автомобиля и мобильный телефон в этот металлический контейнер, – сказала она, и в узком окошке бронированного стекла показался металлический ящик размером примерно десять на пятнадцать сантиметров и высотой около пяти. При этом паспорт все еще оставался у нее.

– Вы серьезно? – спросила я, не веря своим ушам, но девушку совершенно не смутило то, как вытянулось мое лицо, и она бесцветно-вежливым голосом, в котором слышался выработанный иммунитет к вытянутым лицам и вопросам «Вы серьезно?», ответила:

– Мы принимаем на хранение ценное имущество и денежные средства, которые имеются у Вас на момент заключения договора, чтобы обеспечить их сохранность и пресечь возможность воровства. Мы также сохраняем приватность вашего отдыха, обеспечив невозможность съемки фото и видео ни вами, ни кем-либо из присутствующих, гарантируя вам полную конфиденциальность. Все имущество, в том числе и

денежные средства остаются в нашем сейфовом хранилище, в специальной ячейке, принадлежащей только вам до того момента, пока вы не покинете санаторий «Сказка». В обмен вы получаете расписку и чип для оплаты ваших покупок.

Я слушала её, раскрыв рот, и на мгновение мне показалась, что она вот-вот засмеется и скажет, что это шутка. Но нет, девушка терпеливо ждала, пока я снова обрету способность говорить и сделаю то, что она сказала.

– А если я не хочу отдавать вам мои вещи?

– Таковы обязательные условия договора, – с этими словами она указала мне на табличку, формата А4, которая висела над моей головой, вмонтированная в бронированное стекло кассы, где мелким шрифтом с минимальным межстрочным интервалом были прописаны все условия, на которых санаторий «Сказка» готов предоставить мне услуги «отдыха и оздоровления». Я снова посмотрела на девушку, все ещё не в состоянии закрыть рта, и, глядя на мое лицо, она вежливо добавила. – Без этого, к сожалению, мы не можем предоставить Вам услугу.

Я тупо пялилась на молодое лицо девушки и никак не могла прийти в себя от такой наглости. Я обернулась вокруг, чтобы понять, не снится ли мне этот бред и тут увидела, как справа от меня огромный бородатый мужик без тени сомнения выгребал из своих карманов все содержимое в точно такой же лоток – последняя модель яблочного телефона, ключи от квартиры и BMW, три разноцветных кредитки и

скрепленные зажимом наличные. После того, как карманы его опустели, он снял с пальца печатку с большим темно-зеленым камнем и кинул до кучи в общую свалку. Все это время ни один мускул не дрогнул на его лице, и вместо сомнений, что грызли меня только от того, что мой паспорт находится в чужих руках, его терзало нечто иное – движения его были быстрыми, на лице сосредоточенность, но глаза при этом не обеспокоены, а сконцентрированы на руках кассира по ту сторону бронированного стекла – это было нетерпение. Он так неистово рвался попасть внутрь, что еле сдерживал себя, чтобы не торопить взрослую даму, принимающую на хранение его, никому не нужный, в том числе и ему самому, хлам. Его буквально подбрасывало мелкой дрожью, он переминался с ноги на ногу и кусал губы, сверкая глазами из-под кустистых бровей.

Я посмотрела налево – там женщина, чуть старше меня сверкала белозубой улыбкой меж ярко-красных губ, снимая с себя кольца и серьги, а когда в металлический лоток финальным аккордом упала цепь с кулоном, она вскинула ухоженные руки в жесте «Вуаля!»

Я снова посмотрела на девушку-кассира, терпеливо ждущую моих действий, которая все тем же успокаивающим голосом проворковала:

– Не переживайте, у нас еще ни разу не было проблем с переданным на хранение имуществом. Ни разу, – повторила она для пущей убедительности и, обворожительно улыбнув-

шись, положила мой паспорт на дно металлической ячейки.

Ну, Светка... молись, что бы так и было!

Я достала телефон, пластиковую карту и ключи от квартиры.

– Это все? – спросила девушка.

Я кивнула. Металлический ящик исчез.

– Протяните левую руку, пожалуйста.

Мой мозг просто не успевал охреневать от происходящего вокруг меня бреда, а потому я, даже не задумываясь, протянула в окошко левую руку. Что-то с легким щелчком обвило мое запястье. Я дернулась.

– Не пугайтесь, это я, – сказала кассир. – Готово.

Я вытащила руку и посмотрела на тонкий, мягкий, сделанный из чего-то среднего между резиной и силиконом, материала красивого бирюзового цвета, который очень плотно прилегал к моей руке, но не жал.

– Что это?

Но кассир лишь кивнула мне тем самым легко узнаваемым жестом, который предполагал, что она все объяснит, как только мы закончим со всеми формальностями.

– Пожалуйста, приложите большой палец к скану.

– Куда?

– Вот здесь, – и она указала на черный квадрат, вмонтированный прямо гладкую поверхность стола.

Я послушно приложила палец правой руки. Датчик ответил тихим писком.

– Теперь проведите браслетом над тем же датчиком.

Я послушно сделала то, что было велено. Снова тихий и короткий звук.

– А теперь еще раз приложите палец, – скомандовала де-вушка.

Еще один легкий писк.

– Прекрасно, – сказала кассир, и затем, наконец, выложи-ла карты на стол. – Это ваш чип. Система оплаты кредитная – сначала вы приобретаете товары и услуги, а рассчитываетесь в момент сдачи браслета на кассу. По нему же Вы получаете своё имущество. Пожалуйста, не пытайтесь снять или повредить браслет, так как это приведет в автоматической бло-кировке вашего счета и вызове охраны на место Вашего пре-бывания. Блокировка предназначена для того, чтобы никто из отдыхающих не смог присвоить браслет себе. Алгоритм оплаты такой же, как и алгоритм регистрации – отпечаток, считывание чипа в браслете, отпечаток. И наконец – ваши покупки не будут иметь расшифровки, отследить назначение платежа невозможно, все Ваши приобретения будут списа-ны единой суммой и проходить по банковским документам, как «оплата отдыха и оздоровления в санаторно-курортной зоне». Аудио, видео, фото съемки запрещены и не ведутся на территории санатория «Сказка», каждый наш сотрудник подписывает контракт о неразглашении. Если Вам потребу-ется помощь, ищите человека с черным браслетом, – сказав это, она подняла свою левую руку и показала точно такой

же браслет, как у меня, но матово-черный. – У вас есть какие-либо вопросы?

Я отрицательно мотнула головой.

– Тогда от лица заведения мы просим Вас об одной услуге – если Вы увидели здесь знакомых людей – пожалуйста, не распространяйтесь об этом за пределами санатория. Давайте будем хранить тайны друг друга.

Последние слова она отчеканила, словно это был лозунг всего заведения, и тут я бросаю взгляд на её бэйдж, где под именем Анна, красовалась та самая фраза: «Давайте будем хранить тайны друг друга».

Я опешила, кивнула и отошла от кассы.

– Ну, наконец-то... – протянула гнусавым голосом Светка, подтягиваясь ко мне вместе с Вадиком. На их руках тоже были браслеты. – Думала, ты там заснула. Идем скорее!

Она схватила меня за руку и потащила сквозь океан людей, прокладывая дорогу своим четвертым размером, как ледоход в заполярье. Мы с Вадиком развевались позади, как два флага, но не протестовали – благодаря Светке, мы быстро прошли огромный коридор с бетонными стенами, полом и потолком, до отказа заполненный людьми, и оказались у входных дверей, где людей встречали еще двое охранников. Вот эти двое и были размера XXXL – двое из ларца, одинаковы с лица, были наголо бриты, имели косую сажень в плечах а их ладони легко сошли бы за экскаваторные ковши. И как ни странно, все, что входило в их обязанности – откры-

вать роскошные двери из какого-то темно-серого металла, пропуская людей порциями по десять человек, и когда подошла наша очередь, двери открылись перед нами, впуская нас в широкий, короткий, плохо освещенный тамбур, который упирался в следующие двери. И вот когда открылись они...

Глава 2. Сказка

Звук и свет обрушились на меня, совершенно сбивая с ориентиров. Музыка и огни оглушали и ослепляли, и лишь когда тело справилось с этим, сузив зрачки до точек и подняв болевой порог до приемлемого, я обалдела от представшего передо мной размаха. Это, действительно, целый город. Яркий, блестящий, громкий, невероятно огромный, с небольшими кварталами и широкими дорогами. Размах просто поражал – здесь совершенно уместно было передвигаться на автомобиле, причем с немалой скоростью, но все ходили пешком. Море из людских тел перемешивалось, искрясь разными красками, запахами, звуками, которые вспыхивали смехом, визгом, криками восторга. Из динамиков по барабанным перепонкам долбило что-то очень быстрое, громкое и как-то сразу заводило. Огни, вывески, лампочки блестели, сверкали, кричали о себе во все горло, зазывая, приковывая внимание – вывески, баннеры, витрины с живыми полуголыми людьми внутри и фонари, искрящиеся светом. Все здесь кричало о себе,ставляло нараспашку все свои прелести, открывалось и отдавалось каждому, продавалось первому встречному, раскрывало самое интимное перед любым кошельком.

Этот город продавал наслаждение всех цветов и оттенков. Стриптиз – клубы, бары, кальянные, рестораны, бордели, гостиницы, сауны, бильярдные и огромное количество заведений с игровыми автоматами, рулетками, покером и прочими прелестями незаконного получения удовольствия. Но больше всего удивляли две разновидности увеселительных заведений – наркопритоны и медпункты. Первые продавали абсолютно все, что человечество когда-либо извлекало или изготавливало, вторые были готовы в любой момент поставить тебя на ноги после неумеренного употребления «первого». Наркопритоны были разные как по размаху, так и по специализации, начиная от крошечных домиков и павильонов, где продавался исключительно «натурпродукт» и разноцветные вязанные шапочки, и заканчивая огромными зданиями, похожими на торговые центры, где продавалось все «от» и «до». Я поняла, что стремительно старею, когда прочла рекламный билборд, на котором из огромного списка наименований продукции, как натуральной, так и синтезированной, я знала лишь первые семь, среди которых были героин, кокаин, LSD, гашиш и прочие прелести «народной» медицины и достижений лабораторных гениев. Остальных названий я не слышала ни разу в жизни, а большая часть из них названий не имела вообще, только сочетания цифр и латинских букв, но, похоже, заядлые постояльцы прекрасно знали, о чем речь и что именно придется им по душе. Вся эта мишура казалась тем страннее, чем внимательнее ты присматривался к самим

зданиям – их особо никто не менял и их строгий лаконичный стиль то и дело проглядывал сквозь кричащие вывески и обнаженку. Это выглядело так же странно, как если бы сутенер или местный барыга был одет в строгий деловой костюм от знаменитого кутюрье, сшитый на заказ. Сами улочки были выложены брусчаткой и были неестественно чистыми. Росло очень много зелени. Деревья были огромными, но высажены в строго отведенных местах, чтобы не загораживать рекламу, а в узких просветах между зданиями и тротуаром густо росла сочная, изумрудно-зеленая трава, постриженная и политая. И люди...

Людей было столько, что казалось, весь «настоящий» город – здесь, и вот что забавно – завсегдатаи и новички, вроде меня, Светки и Вадика, очень сильно отличались друг от друга, и если мы стояли, разинув рты, как первоклашки в первый учебный день, оглядываясь по сторонам в поисках хоть каких-либо доказательств, что все происходящее правда, а не массовая галлюцинация, то постоянным посетителям не было никакого дела до того, что происходит. Это и было главное отличие – мы смотрели по сторонам, а они – внутрь себя. Их не занимала окружающая действительность и антураж, им не было дела до людей и рекламных щитов – каждый из них знал, зачем он пришел. Они шли целенаправленно, глаза их нацелены на конкретную точку и каждый знал, что именно они искали среди зданий, больших и маленьких, ярких и сумрачных, в потемках улочек и в тем-

ных углах. Были те, кто напоминал дорвавшихся до ключей от конфетного завода детей – они были пьяны или обдолбаны, но все еще неплохо стояли на ногах и все время скакали и хохотали. Они были не одни и, вне зависимости от возраста, их окружали молодые, красивые и такие же обдолбанные. Были и те, чей восторг лился медленно и был тягучим, как мед. Они гуляли неспешно и вальяжно, растягивая удовольствие, медленно наслаждаясь своей невменяемостью. Таким тоже составляли компанию, но один – два человека, не более. Большая же часть были чем-то средним, между этими двумя крайностями и просто отрывались на празднике жизни, где можно все. Мы планировали быть примерно в этом же промежутке через пару часов.

Первое, что по-настоящему зацепило мой взгляд – стадо диких проституток, одетых так вкусно, что я невольно залюбовалась их прелестями, умело выставленными напоказ. Почему диких? Выглядели они так, словно рождены, вскормлены и воспитаны на просторах санатория, даже не подозревая, что за высокими бетонными стенами есть другая жизнь. Они так гармонировали со всем вокруг, что казались живым олицетворением настроения «Сказки». Я смотрела на упругие шары груди, зажатые тисками разноцветных корсетов, и думала о том, когда я последний раз видела свою грудь такой же аппетитной? Десять, пятнадцать лет назад? Готова поспорить, если их раздеть, то грудь останется таким же круглым, упругим, свежим персиком. А моя? Два флага капитулиро-

вавшей страны в безветренную погоду. А чтобы мой зад выглядел хоть вполовину столь же аппетитным, мне приходится пыхтеть в спортзале, как проклятой, и приседать со всем, что попадается мне под руки. Но, несмотря на то, что юные феи, возраст которых лишь позавчера перевалил за совершеннолетие, напоминали мне, что я уже не так свежа, они странным образом вдохновляли – одна из них посмотрела на меня и подмигнула, улыбаясь той роскошной улыбкой, что сулила воплотить в жизнь мои самые сладкие, самые порочные фантазии. Улыбка на моем лице расцвела сама по себе. Проститутка улыбнулась еще ярче, и я поняла, что они здесь не только и не столько для того, чтобы возбуждать мужчин – главная ее задача возбудить женщин. Заставить их почувствовать себя новой, сочной и блестящей, как конфета. Почувствовать себя желанной. Разбудить в них то, что работа, бытовуха и всевозможные фобии современного мира запихали, забили, запинали тяжелыми кирзовыми сапогами куда-то глубоко внутрь неё – её вожелание, в первую очередь самой себя.

Одна из них – рыжая, как огонь – та, что улыбалась мне, сверкая зубами, переливаясь косметикой, подошла ко мне. Отточенным движением она прикоснулась кончиками пальцев к моей щеке и, скользнув ниже, пробежалась подушечками по моей шее. Я вздрогнула, вдохнула. Одно её прикосновение зажгло во мне тепло, которое потекло по венам. Румянец залил мои щеки. Я посмотрела в огромные зеленые

глаза, и мне казалось, что я уже под «чем-то» – они сверкали и переливались ничем не прикрытым азартом, как алмазы, а ее радужка, отражая свет и блеск, сверкала похотью, как чем-то, что можно увидеть невооруженным взглядом. Она рассматривала меня, ласкала взглядом, прикасалась легкими руками к моим волосам, отточенными движениями, без сомнений и никому ненужной скромности. «Я знаю, для чего ты пришла сюда», – говорили её глаза, и когда большой, влажный рот раскрылся, я не могла оторвать взгляда от кораллово-красной ленты языка – она блестела, складывая слова из букв, и ее движения были плавными, переливчатыми.

– Здравствуй, – сказала она. Я чувствовала её руки в своих волосах, и мне казалось, что слова её летят по ним, как по проводам. – Ты такая красивая... – рот её растянулся в улыбке, глаза заискрились еще ярче, и, верите мне или нет, но я повелась на эту улыбку. Я забыла о том, что на моем лице ни капли косметики, я даже не вспомнила, что глаза мои – все еще опухшие от слёз, что на мне драные джинсы и мышинный свитер... и поверила ей. Я – красивая. Да, я – красивая. Я – офигенная, я – роскошная, я – шикарная. И эти слова стали для меня моим собственным наркотиком, и полились по венам, разгоняя мое сердце, одурманивая мозги, щекоча нервные окончания. Я тихонько засмеялась.

Проститутка прочла на моем лице все это, как опытный психолог и, взяв меня за руки, потянула за собой:

– Пойдем со мной. Я всё здесь покажу...

Мимо меня кто-то пробежал, слегка задев локтем мою руку правую руку. Я машинально обернулась, не увидев никого, кроме компании из нескольких молодых парней, которые смотрели на нашу троицу. Я мельком окинула их одурманенным взглядом, успев подумать, что им тут вообще-то не место, а потом рыжеволосая жрица любви потянула меня за собой в океан людей.

Мы вклинились в общий поток, и нас понесло по улочкам и заведениям. Не прошло и минуты, как мы вчетвером оказались в каком-то ночном клубе, где очень быстро к нам присоединились еще две жрицы любви. Мы не стали тянуть кота за хвост и приняли первые пятьдесят за знакомство со «Сказкой». Дальше события понеслись по экспоненте – выпивка, легкие закуски, танцы, люди, которые множились вокруг нашей тесной компании, как плесень. Мы так быстро обрастали новыми знакомыми, что едва успевали выяснять имена, а потом и вовсе бросили это дело. Хоть и не сразу, но я, даже будучи уже навеселе, распознала в проститутке опытного аниматора – такого личного менеджера по увеселительным мероприятиям. Мою личную «проститутку» звали Ноэль (очень хочется верить, что это имя не записано в её паспорте) и она не пила не капли, не принимала наркотиков и была привязана ко мне, словно Хатико к своему хозяину. Когда количество выпитого немного перевалило за «ватерлинию» она ненавязчиво, но настойчиво потащила меня танцевать. Я не была на танцполе с девятнадцати лет, и мне

казалось, мое тело уже и не помнит, как это делается, но когда моя Ноэль грациозно вильнула задом, хлопнула в ладоши, мне показалось, что ничего в этом сложного – то и нет. К тому моменту, когда к нам присоединилась Светка, таща на буксире еще трех новых знакомых девушек, я уже не помнила себя от восторга. Танцевали мы так, словно завтра конец света – мы скакали, орали, визжали и хохотали. Я не помнила почти ничего из того, что было на танцполе, но хорошо помнила приятную усталость уже после того, как мы снова вернулись к столу. Там мы пробыли недолго, но достаточно, чтобы я, немного протрезвевшая и чуточку уставшая, стала замечать, как неистово охраняет меня рыжеволосая от «ненужных» контактов – словно дрессированный питбуль, она мгновенно вцеплялась взглядом в любого, кто приближался ко мне ближе, чем на тридцать сантиметров, стараясь делать это как можно незаметнее. Еще до того, как мы оказались в клубе мы выяснили обо мне самые важные вещи: алкоголь – да, сигареты – да, наркотики – категорически нет, предпочтения в сексе – гетеросексуальные. Этого моей новой «подруге» было более чем достаточно, чтобы отшивать от меня навязчивых барыг и романтично настроенных дам. Она тщательно следила за уровнем моего опьянения, что было абсолютно логично – пьяная «по самую майку», я неплатежеспособна, а потому от нее требовалось держать меня в той кондиции, что позволяла мне чувствовать себя свеженькой. В «Сказке» никаких общих счетов, никаких чеков – все

до предела индивидуально.

Не знаю, сколько прошло времени, но клуб мы покинули, оставив там ненужный багаж в виде новых знакомых. Ведомые тремя обольстительными полуголыми аниматорами, мы двинулись сквозь сказку к новым вершинам удовольствия.

Дальше был стриптиз, где я поняла, что это совершенно не моё – перекачанные мужики и обмазанные маслом девушки,двигающиеся и ведущие себя как кошки в марте, меня не впечатлили. Здесь наши желания впервые разделились – Светка и Вадик хотели остаться в стриптиз-баре, а я хотела найти что-то менее тривиальное. На этот счет Ноэль и две её коллеги по цеху имели четкие инструкции – мы разделились на определённый период времени, и должны были встретиться через два часа. На мой вопрос, как я узнаю, что два часа прошли, Ноэль хитро улыбнулась и сказала, что она все контролирует.

– Не переживай, – сказала она, беря меня за руку и выводя из душного прокуренного зала в прохладную ночь, – Я за всем слежу. Доверься мне.

Довериться проститутке? Да конечно! Почему бы и нет!?

Мы вышли на улицу, и только здесь я поняла, что мне все-таки не восемнадцать.

– Слушай, – сказала я ей. – Давай немного передохнем. Где здесь можно покурить?

Она повернулась ко мне, и пожала плечиком:

– Где захочешь.

Тут я поняла, что с возрастом появляются привычки, которым сложно противостоять.

– Мне нужно тихое, темное место, понимаешь? Чтобы никого не было. Уголок какой-нибудь...

Но Ноэль уже все поняла. Она кивнула и остановила меня жестом – задача ясна. Она оглянулась, взяла меня за руку и потянула вдоль дома, подальше от шумных входных дверей стриптиз-бара. Дойдя до конца здания, мы свернули за угол и оказались в узком переулке, где, как я и хотела, было почти тихо, темно и не было ни души.

Я выдохнула.

– Устала? – спросила она.

Я неопределенно пожала плечами. Ей этого было достаточно. Она достала сигарету и зажигалку из лифа, прикурила и отдала мне. Я взяла сигарету, затянулась и посмотрела на свою жрицу любви. Сообразительная. И очень красивая. Далеко пойдет, только вот в каком направлении...

– Ты ведь не проститутка?

Ноэль внимательно посмотрела на меня, затем улыбнулась, но не той дежурной улыбкой, что была на её лице всю эту ночь, а той, что интимнее и гораздо ближе к телу.

– Нет, – и она отрицательно мотнула головой.

– И с клиентами не спишь?

Она улыбнулась шире:

– Иногда. Когда мне самой хочется, и клиент мне симпатичен. Это не возбраняется.

– А что возбраняется?

Она пожала плечом:

– Единых правил нет. Все сугубо индивидуально. Главное правило – не болтать за пределами санатория – а остальное не прописано. Моя задача – сделать так, чтобы клиент вернулся, и для этого можно и нужно делать все, что умеешь, – я протянула ей сигарету, она затянулась и вернула её обратно. – Если ты умеешь только ноги раздвигать, значит, будешь проституткой. Если умеешь что-то большее, значит, будешь кем-то другим. Кто что имеет, тот тем и пользуется. У каждого свой рабочий инструмент.

– То есть, кто на что учился?

– Ну, как-то так...

– А что умеешь ты? – спросила я, затягиваясь.

– Я? – она протянула руку. Я передала ей сигарету и та сделала еще одну глубокую затяжку. Отдавая мне её обратно, она рассматривала меня так, словно познакомилась со мной только что. – Я умею вдохновлять. Умею говорить людям красивые слова. Люди мне верят.

Мы смотрели, как сигаретный дым тонкой струйкой поднимается в ночное небо и растворяется в темноте.

– А как тебя зовут на самом деле? – спросила я, все еще глядя в темноту над головой.

– Ноэль.

– По паспорту?

– По призванию.

Наши глаза встретились, и мы рассмеялись. «Не хочешь – не говори», – подумала я и выбросила окурок прямо на пол.

– Если хочешь, тут недалеко есть гостиница. Небольшая. Там очень мало народу и практически не бывает посторонних. Мы могли бы спрятаться там на час-полтора. Потом поели бы... Там, за углом, ресторан. Готовят потрясающе...

Я слушала её и понимала, к чему она клонит, только никак своим ушам поверить не могла.

– погоди, погоди! Ты что... – я замешкалась, запуталась в собственном языке. – В постель меня тащишь?

Она посмотрела на меня так, словно я только что сморозила чушь:

– Ну конечно. Нет, ну мы можем взять томик Оскара Уайльда, «Портрет Дориана Грея», например, и почитать по ролям...

Дориан Грей Уайльда? То есть, параллели она все-таки проводит?

– Ты хоть знаешь, сколько мне лет?

– Да какая мне разница? Ты мне нравишься.

Она сверкнула глазами и улыбнулась одним уголком рта.

– На возраст не обращают внимания те, в чью пользу разница. Нет, подруга, я пас. Кроме того, мы же договорились – гетеро.

– А вот так говорят восемьдесят процентов тех, с кем я впоследствии спала. Пойдем... Тебе понравится, обещаю! За уши не оттянешь.

– Боже Мой... – сказала я, картинно закрывая глаза ладонями. – Даже слушать не хочу.

Ноэль звонко засмеялась, а я пыталась выкинуть из головы картинку той части тела, от которой меня нужно будет за уши тянуть.

– Ладно, – сказала она. – Взбодрились?

– Еще как...

– Ну тогда я знаю, куда мы с тобой сейчас отправимся.

Она потащила меня туда, откуда мы пришли, и очень скоро мы снова оказались рядом со стриптиз-баром, но даже не остановились, а быстро потянулись по узкой улочке к выходу на широкую дорогу. Мы выбежали на главную улицу, минуя небольшую компанию, стоящую прямо на углу. Пробегая мимо, я нечаянно задела плечом какого-то парня и тот, отшатнувшись назад, обернулся на меня.

– Ой, простите ради Бога. Я случайно...

Серые глаза и светло-русые волосы. Где-то я его уже видала...

Он посмотрел на меня, на Ноэль, а потом снова на меня. Рука Ноэль дрогнула. Парень улыбнулся и кивнул:

– Ничего страшного. Бывает.

На том мы разошлись, но еще с десятков шагов я думала о том, же, о чем подумала, когда увидела его в первый раз.

А дальше была аэротруба. Вот уж никогда бы не подумала, что буду заниматься этим с проституткой, но уж что есть, то есть. Ноэль от этой идеи была в восторге. Я поначалу немно-

го испугалась – честно говоря, не очень привлекательно выглядели лица людей, которым ветер грозил порвать рты пополам, но потом я все – таки поддалась на уговоры рыжеволосой. И это было покруче дешевого секса в мотеле. Мы визжали и крутились, и ветер задувал в такие места, в которых, по задумке матушки-природы, ветра не должно быть в помине. Наши лица сгребло в гармошку, и мы стали похожи на счастливых шарпеев. Двое инструкторов крутили нас во все стороны и вытворяли с нами такое, от чего дух захватывал даже у моей испорченной девочки Ноэль. Когда мы, наконец, выбрались оттуда, лица наши сияли, а на головах было нечто совершенно непотребное.

Потом был кальян и какой-то бар, где большая часть посетителей были раздеты либо частично, либо полностью, поэтому долго мы там не задержались. Сразу оттуда мы направились в кафе, а не в ресторан, куда изначально планировали. Я стала замечать, что моя спутница перестала вытягивать из меня деньги и начала водить по местам с очевидно меньшим количеством звезд. Но, как ни странно, в забегаловках и незаметных павильонах было гораздо вкуснее, сочнее, пьянее и, как я подозревала, за гораздо меньшие деньги.

Мы как раз доедали неправдоподобно вкусный люля-кебаб, и это было самое незабываемое, что случилось со мной за последний год. Сочный и такой свежий, что буквально блеял у меня во рту. Еще до того, как нам подали блюдо на стол, минут двадцать мы любовались тем, как огромный ар-

мянин размером с двухэтажный дом долго и нежно мял ручищами порубленное мясо. И пока он это делал, мы с упоением слушали байки, привезенные с вершин Кавказа. У него был сильный акцент, но язык он знал хорошо, а потому мы ухахатывались и сползали под стол, слушая очередную небылицу в лицах. А когда приготовленное мясо пошло на угли, запах разнесся такой, что лично я, совершенно не раздумывая, подарила бы ему Мишленовскую звезду. Теперь мы пили свежее, вкусное пиво, а не коктейли и коньяк.

– Ты перестала меня «доить»? – спросила я, когда от люля-кебаба не осталось практически ничего. Ноэль ответила:

– Хватит с тебя и того, что уже было, – она облизала палец и посмотрела на меня. – Слушай, а в нем еще что-то было. Приправа какая-то.

– Это грецкий орех, – сказала я.

– Правда? – брови Ноэль поползли вверх. – Обалденно вкусно.

– Спасибо тебе, добрая фея-крестная.

– Обращайся.

С этими словами она обольстительно облизнула губы и подмигнула мне.

Я засмеялась, она тоже. Она повернулась к нашему шеф-повару, чтобы передать ему наши благодарности, и пока они обменивались любезностями и сальными шуточками, я рассматривала людей, просаживающих деньги в этом огромном котле. И тут увидела его. Снова.

Он стоял ко мне спиной, но его трудно было не узнать, так как, по прихоти судьбы, он встретился мне сегодня уже дважды. Среднего роста блондин со светло-русыми волосами и серыми глазами был на редкость хорошо сложен – стройный, рельефный, он был похож на молоденького добермана – спортивный, быстрый, подтянутый. Никаких излишеств, лишь тонкость, точность и плавность линий. И зад был просто великолепен. Никогда не понимала, что женщины находят в мужских попах, а вот теперь поняла – это была на редкость красива, и мысленно стянув с нее джинсы, я легко представила себе её во всей красе. Завораживающее зрелище.

– На что ты там засмотрелась? – заинтересовалась Ноэль и повернулась назад, и именно в этот момент он повернулся и посмотрел на нас. На Ноэль его взгляд долго не задержался, а вот по мне он прошелся основательно. Я и забыла, с какой неприкрытой похотью смотрела на парня, но от одного его взгляда вся моя похотливость немедленно испарилась. Похожий взгляд я уже видела, только не у него и вообще не на этом этаже – открытый, жадный, снисходительно-наглый. Он смотрел так, словно знал – он может в одно мгновение обмануть тебя, обвести вокруг пальца, а ты не то что не заметишь этого, так еще и благодарить его будешь. Воспитанник неблагополучной семьи, вскормленный улицей. Бродяжка. Только этот, в отличие от мурашей внизу, был вылизан, вычищен, хорошо одет и дорого пострижен. Потом я увидела

еще четверых, тех, что были с ним возле входа. Именно там я и увидела всю эту компанию в первый раз, и именно тогда возник вопрос, что они тут делают, ведь...

– Нам пора, – отрезала Ноэль.

Она повернулась ко мне, поднялась, взяла меня за руку и буквально выволокла из-за стола, понеся меня в противоположном направлении от сероглазого бродяжки и компании точно таких же, как он – холеных беспризорников.

– Ноэль, что с тобой?

– Со мной? А что со мной?

– Да остановись ты на секунду!

Она остановилась и, оглядевшись, сделала хорошую мину при плохой игре – улыбнулась, наигранно, натянуто и попыталась стрельнуть глазками, но ничего не получилось.

– Все прекрасно, – сказала она. – Просто мы опаздываем.

Я не стала лезть в душу проститутки – побоялась узнать много больше, чем мне было нужно. Чтобы её ни испугнуло, теперь оно было позади.

Мы вернулись к стриптиз-бару как раз к тому моменту, как сияющие от удовольствия Светка, Вадик и их личные аниматоры выходили из дверей, окутанные сигаретным дымом и парами перегара. Среди толпы точно таких же, как они, их штормило и бросало друг на друга. Они смеялись и заплетались еле идущими ногами. Мы выдернули их из общего потока.

– Ну? – пьяно пробормотала Светка, заплетающимся язы-

ком. – Как вы ото... одо... отпо... – она выдохнула, собираясь с мыслями, и, наконец, выдала, – Отпихнули...

Они с Вадиком заржали, как скаковые лошади, от чего я тоже закатилась, глядя на этих двух пьяных придурков.

– Это вы там чем-то напихались, идиоты... Чем вы так накидались? На ногах не стоите!

– Мы это легко исправим, – сказала Ноэль. – Идемте! – скомандовала моя личная проститутка, и мы пошли за ней, как французы за Наполеоном и очень скоро оказались в том самом медпункте, филиалы которых были расположены почти на каждом углу. Там добрая и вежливая медсестра предложила Светке с Вадиком какой-то освежающий коктейль из нескольких препаратов, из которых я лично поняла лишь глюкозу и хлорид натрия. Но у этих двух зомби особого выбора не было, и их кинули на кушетки, как два бревна, засушили рукава и воткнули по игле животворящей жидкости.

Мы с Ноэль уселись на диваны в зале ожидания.

– А почему они синие такие?

– В смысле? Потому что пьют, как лошади, – ответила Ноэль. – Послушай, я хочу...

– погоди, погоди... – перебила я её. – Ты с меня глаз не спускала. Смотрела за мной, как воспитатель за единственным ребенком в группе. У них же тоже были свои... – тут я полезла на дно ящика своего словарного запаса, чтобы найти то самое слово, что легко заменит проститутку, но оно, зараза, никак не хотело находиться. И пока я мучилась, Ноэль

смотрела на меня с нежностью, глядя на мои мучения, даже не пытаясь мне помочь. Она взяла меня за руку и сказала:

– Не все аниматоры одинаково относятся к своим обязанностям. Кроме того, они... – и она выразительно кивнула в сторону кресел, где расположились незадачливые аниматоры моих друзей. – Не самые опытные работники.

– А ты, значит опытная? – сказала я, улыбаясь ей так развратно, что мне самой стало смешно. Странно, но Ноэль моего смеха не поддержала. Она была серьезна или грустна. Все-таки бокал пива поверх всей той дряни, что я успела запихать в себя, дали о себе знать, и, честно говоря, я уже плохо отличала одно от другого.

– Достаточно опытная, чтобы сказать с полной уверенностью – вам всем пора домой.

Вот тут я удивилась – проститутка, которая выгоняет нас домой – это что-то новое.

– Ну перестань... Сейчас поставим на ноги этих двух идиотов и снова будем в седле.

– Марина, я вообще не об этом. Помнишь...

В огромное стекло зала ожидания тихонько постучали и мы обе вздрогнули. Мы одновременно повернули головы к огромному окну, которое выходило на улицу – там была дворняжка, та самая, с серыми глазами и светло-русыми волосами. Парень смотрел на нас с неприкрытым азартом, при этом Ноэль его интересовала меньше всего. Он смотрел на меня. Он был до того настоящим, что я и забыла, когда в по-

следний раз мужчина вызывал во мне столько противоречивых эмоций. С одной стороны, он был чертовски хорош, но с другой, вызывал какое-то животное опасение. Сейчас он стоял так близко, что даже разделявшее нас толстое стекло не могло скрыть от меня его животную притягательность. И дело здесь не во внешности, дело было именно в пресловутом факторе «X» – что-то в нем намагничивало меня. И это притом, что...

– Ноэль, а что здесь делают несовершеннолетние? – повернулась я к проститутке.

– Хозяйничают... – одними губами произнесла бледная, как мел, Ноэль.

Я смотрела на неё и её нахмуренные брови, поджатые губы, левую руку, сжатую в кулак. Её взгляд прочно вцепился в меня, а мысли её метались в прекрасной голове. Она открыла рот и собиралась сказать что-то, что не успела – стук в стекло повторился снова.

Я подняла глаза. Губы парня растянулись в улыбке, глаза нахально изучали меня. Дворняжка еле заметно махнул головой, предлагая мне выйти на улицу.

Я снова посмотрела на Ноэль.

– Тебе необязательно идти, – сказала она, почему-то, еле шевеля губами. На него она больше не смотрела.

– Ты его знаешь? – спросила я, внимательно изучая выражение лица проститутки, пытаясь понять, что же я там вижу. Она кивнула.

– Сколько ему лет?

– А это важно?

– Допустим, что да.

– Будет восемнадцать через четыре недели.

– И кто она такой?

– Я не могу сказать.

– Ух ты! Прямо как во второсортном боевике. Ну, а если серьезно?

– Марин, я правда не могу, каким бы наигранным и забавным тебе это ни казалось.

– Ну, тогда я не вижу причин бояться несовершеннолетнего сопляка, который, судя по всему, мнит себя кем-то не по размеру великим.

Все это время бродяжка смотрел на нас своими серыми глазами, и краем глаза я видела, что он по-прежнему улыбается. Судя по всему, наш разговор чем-то сильно забавлял парня.

Ноэль закусила губу:

– А моего слова тебе не достаточно?

Я засмеялась:

– Извини меня, но я не привыкла верить проституткам на слово.

Ноэль мои слова не обидели. Сколько раз за вечер она слышит подобное в свой адрес? Но кулачок сжался еще сильнее.

– Я не знаю, ясно? – она хотела взглянуть на него, но не

осмелилась и снова уперлась глазами в меня. – Никто не знает, чем конкретно он занимается. Лишь в общих чертах.

– Я согласна узнать, что же там у нас в «общих чертах».

Ноэль помялась, покусала пухлые губы, а затем сказала:

– Можно сказать – он занимается тем же, что и я.

– Проституцией?

– Мы же вроде выяснили, что я не проститутка.

– То есть, он тоже аниматор?

– Да, но... Уровня повыше и ставки у него больше.

– Значит, и развлечения повеселей?

– Я не знаю, что там у него повеселей. Я знаю то, что уже сказала – тебе и твоим друзьям лучше отправиться домой.

– А если мне не хочется домой? Если дом для меня – тюрьма? Если мне здесь впервые за весь год хорошо стало? А? Что тогда прикажешь мне делать?

Ноэль смотрела на меня и молчала. Нечего ей было рассказать мне о том, каково это – возвращаться в пустую квартиру, где каждый угол кричит отчаяньем и болью. Что если каждый таракан смотрит на тебя, как на неудачницу и каждая блоха на самой вшивой собаке кричит, что все самое дорогое в своей жизни ты променяла на спортзал и тачку. У нее такого опыта нет – она для такого слишком юна.

– Так с чего бы мне бояться сопляка? – спросила я с вызовом её, но на самом деле обращалась к самой себе.

Я поднялась с насиженного теплого местечка и вышла на улицу.

Входная дверь мелодично звякнула. Он поднял на меня глаза и улыбнулся, показывая мне ровный ряд жемчужных зубов. У него был немного вздернутый, курносый нос. Самую малость, но достаточно для того, чтобы его лицо обрело совершенно неповторимый отпечаток в моей памяти.

– Привет, – сказал он и протянул мне руку. Словно мы знакомы сто лет, словно мы друзья, коих поискать. Никакого «Вы», никаких приторных правил приличия, неизвестно кем придуманных, законов цивилизованного общества.

– Привет, – ответила я и пожала руку.

Она была горячая. Но все же, повинаясь инстинктам, я довольно быстро одернула её. Было в нем что-то, что заставляло держать ухо востро, хотя внешне это никак не проявлялось. Просто парень – молодой, привлекательный и беззастенчиво наглый, прекрасно знающий себе цену, но не лишенный некоторой сдержанности. Вот уж не знаю, как все это уживалось в нем, но коктейль получался опьяняющий. Он быстро смирил меня надменным взглядом и тут же «включил» вежливость, как он её понимал:

– Прекрасно выглядишь.

А вот тут уже я включила все то, что называлось деловой хваткой в кругах взрослых и совершеннолетних:

– Ты нас отвлек от беседы. Надеюсь повод у тебя серьезный.

– Более чем, – сказал он и одарил меня улыбкой, что называется «на миллион долларов».

Красивый мальчик.

– Есть у меня предложение, от которого ты и твои друзья не сможете отказаться.

– Нам и так неплохо.

– Я предлагаю что-то получше, чем просто «неплохо». Будете внукам рассказывать.

Я засмеялась.

Тут за его спиной возникли четверо – дворняжки, такие же, как тот, что сейчас красовался передо мной. Это заставило меня напрячься. Неосознанно, лишь на инстинктах. Те, кто рос в девяностые, всю жизнь буду носить в себе непреодолимый страх перед подростками, собирающимися в группу более трех человек. Это закладывается где-то глубоко, так что и не сразу-то понимаешь головой – ты еще не понял, что тебя напугало, а страх уже сработал. Смеяться я престала. Я окинула взглядом это сборище – лица откровенно наглые, глаза не прячутся и смотрят на тебя прямо, плечи расслаблены, носы вниз, как у собак. Пока они разглядывали меня, спина моя покрылась холодным потом, хотя ничего плохого они не говорили и не делали.

Тут за моей спиной звякнул звонок, и я услышала голоса Светки и Вадика. Они бубнили что-то неразборчивое и уже не были такими радостными, как десять минут назад. Следом за ними вышли и наши полуголые аниматоры. Ноэль подошла ко мне.

– Привет, Настёна, – тихо, ласково сказал сероглазый

блондин. – Как работается?

Он улыбнулся ей, но Ноэль, то есть, как теперь выяснилось, Настя, от его улыбки только блее стала. Она подняла на него глаза и сказала:

– Привет. Прекрасно. Вот хочу людей на каруселях показывать.

– На каруселях? Молодец, – сказал дворняжка и обаятельно улыбнулся.

Тут из-за моей спины послышался полупьяный бас Вадика:

– Ребят, чё, у нас проблемы какие-то? – с этим словами огромный хирург-ортопед вышел вперед, осматривая хмурым взглядом молоденьких мальчишек, на полголовы ниже него. В обычной ситуации мне бы стало значительно легче, ведь когда рядом огромный мужик, любой женщине дышится легче. Но это в обычной ситуации. Сейчас же мне стало совершенно не по себе – дворняжки вдвое меньше нашего Вадика не напряглись, не испугались огромного дядьки. Им стало смешно. Ровно на секунду у всех, как у одного, в глазах зажегся жуткий огонек насмешки. Вспыхнул – и тут же погас. Но мне этого было более чем достаточно, чтобы напугаться. А Вадик, все еще не пришедший в себя, ничего не заметил, и даже тени сомнения не промелькнуло на его суровом лице.

И тут поворотным моментом стала Светка – позади нас послышался приглушенный стон, а затем звук, выворачива-

емого наизнанку желудка и льющегося на пол содержимого. И вот тут-то и начали происходить самые настоящие чудеса.

Лица дворняжек из насмешливых и самодовольных превратились в сочувствующие. Один из них – голубоглазый, светловолосый парень с ярко-выраженными еврейскими корнями, обошел Вадика и подошел к ней, на ходу доставая чистый носовой платок из кармана толстовки:

– Бедненькая... – сочувственно произнес он нарочито тихо, протягивая ей платок. Мальчик был неземной красоты, и всем своим видом напоминал херувима – тонкие черты лица, пухлые, розовые губы, длинные ресницы, как у куклы. Если бы Светка могла соображать, ей стало бы легче от одного его вида, но та не смотрела на парня, а только слушала его тихий голос, вытирая рот его платком. – Совсем плохо...

Вадик шагнул к нему:

– Ты... отойди от неё... – пьяно пробасил он, но тут рядом с ним оказались двое: один – низенький, на полголовы ниже меня, и весь какой-то компактный, сбитый; второй – высокий, единственный из всех, кто был ростом с Вадика и совсем чуть-чуть уступал в плечах. Еще один парень – высокий, худой – смотрел в пол и не смел поднять глаза. Создавалось впечатление, что этот парень молчун и скромняга.

– Брат, ты не переживай, – сказал тот, что пониже. – Мы Вас сейчас быстро на ноги поставим.

Меня передернуло от слова «брат». Терпеть не могу это панибратское, пренебрежительное словечко, которое приоб-

ретаёт такой назойливый оттенок только в устах незнакомо-го, и я посмотрела на сероглазого. Тот по-прежнему смотрел на меня и, поймав мой недовольный взгляд, быстро убрал улыбочку со своего лица.

– Как тебя зовут? – спросил он. Теперь весь его вид излучал учтивость и внимательность к моей персоне.

– Марина Владимировна.

– Значит на «вы»?

– Определенно.

– Хорошо, – с полным уважением к моему желанию сказал дворняжка. – А меня Максим зовут. Можно на «ты»

Тут дворняжка, тот, что поменьше, повернулся к Максиму и спросил:

– Слушай, давай дадим им «панацею»? Мучаются же люди...

– Особенно девушке плохо, – раздался мелодичный и нежный голос херувима откуда-то из-за наших спин.

– Дадим, конечно.

Я посмотрела на Максима как раз в тот момент, когда он расстегнул толстовку вытащил из внутреннего кармана (давно ли в толстовках начали делать внутренние карманы?) пакетик с белыми таблетками и бросил его низкорослому. И все мое внимание, хоть и ненадолго, приковала татуировка на его шее, которая до этого пряталась под высоким воротником – это была надпись, которая брала начало у основания черепа под правым ухом, спускалась по шее прямой лини-

ей, скрывалась под воротником белой футболки и явно заканчивалась где-то на спине. Это были не новомодные иероглифы или латиница, не английская бессмыслица из дешевого боевика. Фраза была написана на русском. Буквы странно растягивались вниз по жилистой, крепкой шее, словно их тянули в разные стороны. Они были мелкие, и я успела прочесть лишь начало фразы, которая зарождалась словами «И началась самая...». Тут звук застегивающейся молнии снова спрятал татуировку под высоким воротом толстовки, которая закрыла шею парня по самый подбородок. Я подняла глаза и встретила с серым, холодным взглядом, в котором блестело неприкрытое ехидство – парень застучал меня за разглядыванием его тела, и несмотря на то, что мною руководило скорее любопытство, нежели вожделение, мне стало неловко, и я отвернула глаза, успев заметить, как расцветает самодовольная улыбка на губах дворняжки.

И очень вовремя, потому как в этот самый момент, Вадик, рассмотрев белую таблетку неизвестного происхождения, потянул её в рот.

– Стой, – успела крикнуть я.

Вадик поднял на меня пьяный взор, полный удивления, мол «Марина, что случилось? Чем тебя напугала неизвестная фигня, которую я собираюсь сожрать без тени сомнения?

Идиот, мать его!

Но тут вмешался Максим:

– Марина Владимировна, – заговорил он со спокойствием, свойственным взрослым, размеренным людям. – Это совершенно безвредно. Наоборот, в определенном смысле даже полезно. Если не переусердствовать, разумеется.

Тут он демонстративно подошел к низкорослому, взял у него пакетик и, ловко выудив одну из таблеток, не раздумывая кинул себе в рот, как конфету. А потом он быстро и еле заметно подмигнул мне. Этот бездомный щенок подмигнул мне! Как уличной девке! Как равной! Маты, гнев и истерика безмолвно вспыхнули во мне, да так ярко, что не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы увидеть их. Дворняжка дураком не был. Он восхищенно наблюдал за мной, наслаждаясь злостью, которая в одно мгновение переполнила меня, нажала на педаль газа и погнала меня, совершенно не разбирая дороги.

Тут Настя крепко стиснула мою руку. Я посмотрела на неё, и лишь её испуганные глаза да бледные щеки заставили меня запихать уязвленное эго подальше да поглубже. Мелкий сучонок, помойный крысёныш, дать бы тебе прямо по нахальной роже наотмашь, чтобы встали на место мозги!

Тут Вадик, оставшийся без присмотра взрослых, открыл рот и кинул туда таблетку. И пока я здесь распалялась от одного ловкого движения дворняги, Херувимчик, предоставленный самому себе, взял одну таблетку и предложил Светке. Та, недолго думая, запихала её в рот.

Два идиота! Два пьяных придурка, которым нянька нуж-

на, а не стриптизеры!

Я расслабленно выдохнула. Чем бы эта гадость ни была, теперь уже бесполезно трепыхаться.

К моему удивлению, низкорослый и здоровый детина, стоящие по обе стороны от Вадика, а также молчун, быстро проделали то же самое. И это стало для Вадика и Светки отправной точкой – моментом, когда между ними двумя и пятеркой сомнительных личностей зародилось самое настоящее доверие. И основой этого доверия стал первобытный закон, прекрасно работающий для животных, находящихся гораздо ниже с точки зрения эволюции – если я ем то же, что и ты – я доверяю тебе. Как же все просто. Никаких тебе сложных психологических выкрутасов и заумных техник невербального давления. Сожрал что-то из того же таза – вот мы и лучшие друзья. За это я не люблю пьяных людей.

Тут Максим, судя по всему, прекрасно ориентирующийся в таких тонких материях, подхватил общий настрой и восторженно заявил:

– Друзья мои, полетели на карусели.

Херувимчик, Низкий, Рослый и Вадик, в один голос заорали что-то невразумительное, одобряя подобный план. Светка, ведомая Вадиком с одной стороны и Херувимчиком с другой, радостно завопила что-то нечленораздельное, потому как говорить-то могла с трудом. А потом и вся эта придурковатая компашка разразилась звериным улюлюканьем и радостными воплями, поддерживаемая Максимом.

Я смотрела на это и не могла поверить своим глазам – взрослых и опытных обвели вокруг пальца несовершеннолетние подростки, как малых детей, и лишь благодаря тому, что оба они были невменяемо пьяны.

Тут парень, что не смел оторвать взгляда от пола, повернулся к Насте и безо всякого смущения подняв не нее карие глаза, сказал:

– Ты свободна. Дальше мы сами.

От его голоса мне стало не по себе. Уж больно равнодушный он был для несовершеннолетнего. Слишком взрослый.

Настя посмотрела на меня так, словно ничего сделать с этим она не могла. Я повернулась к нему и он, словно обожженный моим взглядом, снова уперся глазами в пол.

– А если я хочу, чтобы она пошла с нами?

– Нельзя, – тихо ответил он. – Либо вы остаетесь с ней, либо идете с нами.

Я повернулась к Максиму, который, как оказалось, все это время слушал наш разговор. В немом вопросе я вскинула брови, а он так же бессловесно пожал плечами и кивнул, глядя на меня с пониманием и сочувствием.

Я перевела взгляд на двух пьяных придурков, стараниями которых мы оказались в столь странном и неудобном положении, и увидела удивительную вещь – они трезвели буквально на глазах. Взгляды, до сего момента мутные и непонимающие, стали проясняться и обретать некую осмысленность, еще не окончательную, конечно, но судя по тому, как быст-

ро действовали эти чудо таблетки, довольно скоро должны снова быть в седле. Дворняжка своими серыми глазами проследил мой взгляд и понял ход моих мыслей – эти двое – не малые дети и смогут позаботиться о себе самостоятельно, как только их отпустит достаточно, чтобы они перестали путать свои лица с собственными жопами. Уж не знаю, что было в этих таблетках, но Вадик уже совершенно четко и членораздельно разговаривал с низкорослым, а Светка, рафинированная до мозга костей баба (в самом отвратительном смысле этого слова), узрев перед собой красивого еврейчика, заулыбалась, словно ей не тридцать, а шестнадцать. Ну что ж, они уже достаточно самостоятельные.

Вот уж не знаю как, не знаю, где он этому научился, но дворняжка с серыми глазами прочел все мои мысли по моему лицу, и то, что он увидел, ему не понравилось. Я заметила, как метнулся его взгляд от Вадика к Светке, а потом ко мне, увидела замешательство и то, как он закусил нижнюю губу, словно где-то дал маху. Не просчитал детали или просчитал, но неверно. Все переменные молниеносно сложились в уравнение, которое он решил неправильно. И вот тут пришла моя очередь выпендриваться – я улыбнулась и подмигнула паршивцу. Будешь знать, как хамить взрослым тетенькам.

Моя выходка ему понравилась – легкая улыбка скользнула по молоденькому лицу и он, задрав курносый нос, несколько долгих мгновений с нескрываемым любопытством рассмат-

ривал мое лицо. Затем он подошел ко мне и протянул руку к моей щеке. Резким движением я ударила его по руке, отчего тот улыбнулся.

– Я не лапать Вас собираюсь. Просто то, что я хочу сказать Вам, не для посторонних ушей.

– Тогда постарайся без рук.

– Хорошо, – кивнул Максим.

Он наклонился к моему уху и, словно бы случайно прикоснулся к нему губами. А затем сказал то, к чему я была совершенно не готова.

Глава 3. Пойдем со мной

– Ты обещал, что всё мне расскажешь.

Я уже начинала терять терпение. Но мой гневный взгляд не имел ни малейшего эффекта. В ответ на мою последнюю реплику он не просто улыбнулся, а рассмеялся:

– Конечно, расскажу. Я же обещал Вам, – он подался вперед, сократив расстояние между нами до интимного, и скользнув взглядом по моему лицу, добавил. – Вы, Марина Владимировна, – весьма примечательная личность.

Несмотря на настроение, которое час от часу становилось лишь пасмурнее, я все же не смогла не засмотреться на курносый нос, пройти взглядом по высоким скулам и полноватым губам. Хоть и с секундной задержкой, но я все-таки отодвинулась от него:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.